

Иван Елагчев

Остров смерти

I

Впервые об этом острове я услышал в начале пятидесятых, еще в молодости, когда начинал в томской газете. Меня, увлеченного корреспондента, ночью (потому ночью, что я никем не меряемые сибирские расстояния покрывал в командировках обычно ночью, а с людьми беседовал, собирая материал, днем), ночью, говорю, как-то раз вел меня колхозный возчик на развалинах и, повествуя о здешних местах, указал рукой в замутненном в свете луны пространстве, туда, где чернели продолговатые-круглые тальники, где под льдом могуче и бесшумно струилась до сих пор, увы, никем еще не воспетая великая река Обь: здесь, указал возчик, он, этот остров смерти! Рыболова летом, ему, парню, случается быть на этом острове: до сих пор там река из песка водой вымывает человеческие кости...

Была середина века, начинались, повторяю, пятидесятые. Друг рабочего класса, вождь и учитель, мудрый лингвист и кормчий, несравненный стратег и мудрейший из мудрейших знаток экономики, теоретик и практик товарищ Сталин был еще жив. Разговор с иеримской ссылкой, равно как и с Колыме и прочих местах, где отбывали срока люди, был строго запрещен. Подчиняясь велению времени, я утратился возчика-парня. Я убоялся недружелюбную тварь земную — кэня. Я убоялся снегов и неба, все они могли подслушать наш ночной разговор об острове смерти, где вымывает водой из

песка человеческие кости, и донести по команде выше и выше, и тогда нам с парнем не предорвалось бы, — и не стал поддерживать беседу.

Во второй раз об острове смерти, что на Оби, я услышал во второй половине пятидесятых, когда окончив с газетой, учился на сценарном факультете ВГИКа и жил в общежитии в Москве. Тогда меня, начинающего прозаика и драматурга, сибиряка, пригласил к себе один знаменитый при Сталине писатель и очеркист, человек, служивший в "Правде" корреспондентом; мне, студенту, проживающему на стипендию, была подана рюмочка водки, и я, ткнув до ребер, на время оглох на уши и захмелел. Впрочем, эти подробности не обязательны. Я внимал великому писателю, я ловил на полету каждое его слово, я любовался его высоким лбом и густой сединкой. Писатель и очеркист в свое время, ~~находясь~~ в середине, кажется, тридцатых обрадовал комсомольца и друга своими опубликованными в газетах и журналах сочинениями. В одном из этих сочинений воспевалась курительная трубка из ~~вишни~~ корней кедра, подаренная одним обским эстаксом великодержавцу, само собой разумеется, из большой и чистой любви к нему. Между прочим, писатель и очеркист рассказал мне о том, что он самым положительным образом причастен к острову смерти. "Слышали ли вы об острове смерти?" Я утаил слышанное на Оби мельком и сказал, что ни разу ни от кого не слышал. "Я, пожалуй, вам кое-что расскажу..." И он поведал. На ~~одном~~-де острове, на Оби, множество в начале тридцатых погублено напрасной смертью людей. И он, писатель, тогда состоявший на службе в Западно-Сибирском крайкоме ВКП(б) в качестве пропагандиста (по его словам, он подчинялся непосредственно товарищу Эйхе, * был доверенным у него лицом по изучению положения дел в сильнейшей тайге)), узнав об острове

*) Эйхе Роберт Индрикович (1890-1940), нем. германец с 1905 г., в 1925 г. председатель Сов. Крайисполкома, в 1929-34 гг. секретарь Зар.-Сибирского крайкома ВКП(б), с 1935 г. член Политбюро. Расстрелян, реабилитирован. 1934 г. получил звание Героя СССР

смерти, обращался с письменной докладной к товарищу Сталину запиской. И по этой его докладной многим причастных к тому начальников звинили и сняли с работы.

- А что, собственно, на острове произошло?

- Вам интересно знать?

- Да, очень.

Но тут писатель и очеркист, кажется, во время эспаньола. Ему показалось, кажется, что он облетел лишнее, что не положено ему, сталинскому певцу, говорить о великой трагедии народной со студентиком: могут ведь быть неприятности! - и замолчал.

В третий раз об острове смерти я услышал в 1962-ом в Томске, где я поселился по окончании института, от Михаила Федоровича Малышева, бывшего первого секретаря Томского горкома ВКП(б), человека судьбы интересной и тяжелой. Михаил Федорович, как он о себе говорил, имел счастье несколько раз повстречаться с Исидором Виссарионовичем. В частности, виделся он с вождем в 1928-ом в Красноярске, позже - на высших партийных курсах при ЦК ВКП(б). Как один из подавляющего числа делегатов ХУП партсъезда, Малышев в 1938-ом был репрессирован и в местах нестдаленных пробыл ~~много~~ до 1954-го года. За свой великий подвиг: дважды его приговаривали к расстрелу и всякий раз отменяли, - он был награжден орденом Ленина, чем он очень гордился. Пробыв в неволе полтора десятилетия, он, тем не менее, продолжал считать вождя другим всего человечества и боготворить его. Об острове смерти, что на Оби, он, кажется, знал много, поэтому что это случилось в его бытность, но на мои вопросы отвечал неохотно, сквозь зубы. Восемьсот человек там погибло - вот что я узнал от Малышева.

высказание: $\frac{2}{3} \cdot \frac{3}{4} \cdot \frac{4}{5} \cdot \frac{5}{6}$

И от других людей мне приходилось слышать об островах смерти. Говорили, между прочим, что на Средней Оби в начале тридцатых было два таких острова. И местонахождение указывали: один — между с. Назино и Лукашкиным Ярм Александровского района; другой — между Могучино и городом Колпашевом. Какое из этих двух пространств суши, со всех сторон омываемых водой, имели в виду в разговоре со мной бывшие партработники, я точно сказать сейчас не могу. Да и, в конце концов, думаю, это не важно. А важно то, что этот остров был, о нем говорят народ, о нем с отяжелкой говорят бывшие ~~иные~~ начальники люди. Ведь страх живуч, и друг человечества в каждом из нас, переживших трагедию тридцатых годов, не ~~уже~~ ~~скончался~~ ~~скончался~~. Правда, среди современников острова смерти имеются исключения. Вот, например, Иван Терентьевич Бочарников, он ввел меня об островах в самые различные подробности.

В 1972-~~м~~^м, когда ^{с ним} мы встретились на туганской птицефабрике, куда я приезжал из профессионального любопытства, ему, как и Малышеву, исполнилось семьдесят два. В лагерях он, правда, срока не отбывал, репрессиям не подвергался и до старости работал. К началу нашего с ним знакомства он занимал должность начальника отдела кадров Туганской птицефабрики Томского треста "Птицепром". У него было крепкое здоровье и свежая память, и сравнительно быстрая речь.

— Вы второй в моей жизни писатель, с которым я познакомился, — сказал он, обращаясь ко мне.

— А кто был первый?

Бочарников назвал фамилию моего московского знакомого, сталинского певца, сочинителя поэмы в прозе об остицкой трубке из из корней старого кедра.

— Этот человек, знаете ли, меня утешил, — добавил он, мрач-

но и тяжело усмехаясь.

- Как это?

- Он написал товарищу Сталину письмо или докладную записку, и меня сняли с работы, больше, чуть не расстреляли, - отвечал Бочарников. - Я тогда служил старшим комендантом спецпереселенческого округа, на моих руках, знаете, пребывало до полумиллиона человек.*)

- За что не вас, как вы говорите, утятили?

- За остров смерти.**)

- Пожалуйста, расскажите, как это случилось?

- Так вот и случилось, - отвечал Бочарников. - Согнали на остров посреди Оби тысячу три человека, да и умерли голодом, а часть перестреляли из пулеметов...

- Там, говорят, много было детей?

*.) Достоверность этой цифры проверить автору не представляется возможным. Думаю, что Бочарников не преувеличил: малых рек на Средней Оби множество, и все они были заселены спецпереселенцами. Междуречье Кети и Чулым - зона промышленных лесозаготовок. Районы: Чаинский, Бакчарский, часть Колпашевского, Парбигский, Васюганский, отчасти - Александровский, отчасти - Каргасокский - районы, где сильные поселенцы должны были, наряду с рубкой и сплавом леса, внедрить земледелие и скотоводство.

**.) В беседе автор не уточнил, к сожалению, местонахождение острова смерти, к которому имеет непосредственное отношение И.Т. Бочарников. Возможно, он вел речь об острове, что между Мэргачино и Колпашивом, с которым ходят слухи. И в беседе со сталинским певцом на местонахождение острова внимание как-то не акцентировалось. Брался во внимание сам факт, а не географическая принадлежность случившегося.

- Было, - отвечал Бочарников. - Много детей было. Им матери свои груди стрезали, пшлелобку варили в пищу. И убивали друг друга на мясо - всякзе творилось там*.)

- Точно ли, что три тысячи там было?

- А кто считал? Может и больше? Но никак не меньше.

- А кто же такзе устршил?

Бочарников не ответил.

- Кто в этом виноват? - спросил я.

- Меня виноватым признали, - с трудом после дэлгэго молчания сказал Бочарников. - Нашли кэзла отпущения. У нас ведь, знаете, всегда так: сначала сэрбца напрусудят, а потэм иштут кэзла отпущения... А чем, собственно, я был виноват как начальнзе лицэ кэмендатуры?.. Еды всеобщая недостача. Денег на каждэго едэка выделен мизер. Рядэвые кэменданты - люди лихие, милицейский стбрэс. Марсдерство, насилие, грабежи. И ворэвство. Муку делают лэжкэй. Гэлэд. Люди страдают. Мрут, как мухи. Нашлись среди спецпереселенцев шумщики. Бунтэм, показалэсь, запахло. А кэивэй полтора человека. Вот и нашелся выхэд - на острэв людей загнал, спенил со всех стэрэн, пулеметы расставил... Спустя семь дней, когда у мэня на сердце улеглэсь, прыптался им туда, на острэв, предэвэльствие доставить - брэсились встрэчь гэлэдине, перевернули катер. Погибли механик и рулевэй. Два дня спустя послал другэй катер - та же история. Тогда мне ничегэ не оставалэсь делать, как издали применить пулеметы. С уцелевшими в тальниках расправилэсь всеильнзе Время.

*.) Факты людэедства среди высажениых на острэва крестьян и других осильных подтврждаются свидетельствами очевидцев, записанными членами общества "Мемэриал" во время экспедиции на север Тэмскэй области в июле 1989 гэдэ (прим. редактэра)

Далее по рассказу Ивана Терентьевича, события развивались так. О случившемся узнал сталинский певец и эчеркист, служивший при Эйхе пропагандистом, сообщил в Кремль. Вскоре Бочарникова вызвали в Новосибирск, в крайком ВКП(б). В кабинете т. Эйхе допрашивал его приехавший из Москвы ответственный, будто бы член ЦК тов. Фрицман^{*)}. Прежде чем предстать пред эми приехавшего, Бочарников заходил в ОПУ Запсибкрая, и там сказали, что тов. Фрицман — единственный в ОПУ человек, которому дозволено слыше вести на начальствующих лиц ОПУ дела. При допросе основным зрением Бочарников видел на столе, за которым сидел т. Фрицман, лист докладной, на которой сверху, в углу, было выведено: "Расследовать, виновных привлечь к строгой ответственности. И. Сталин".

Выслушав бывшего ^нкомеданта, я спросил его:

— Не понимаю, как вы смогли уцелеть?

— А вот так и уцелел, — отвечал Бочарников. — Доверенное лицо ко мне с допросом: как я мог дойти до жизни такой, что в неделю орком погубил такую массу людей? А я ему с ответом смелым: а в каком, говорю, смысле округе, а их по всей стране, как грибов после дождя, множество, в каком округе они не гибнут? На мой вопрос он ко мне с вопросом же: откуда, говорит, ты эти сведения взял? Сведения проверенные, отвечаю. Недавно, говорю, по указанию полномочного представителя ОПУ тов. Закревского Леонида Петровича меня на слет комедантов в Москву вызвали. Перед самим, говорю, товарищем Сталиным мы эпыт работы

^{*)} В списке членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на ХУП съезде, предшествовавшем описываемым событиям, этой фамилии нет (прим. редактора).

по перепосптанню отсталых людских масс делились. А в гостинице Центральной, в Москве, живя, я с иными прочими комендантами в беседы вступал и узнал кое-что. По-видимому, говорю, одно и то же творится. Даже хуже, чем на Оби. Также, что нам на Оби даже в дурном сне присниться не может. Погибель, надвинулась, говорю, на отсталые массы. Доверенный выслушал меня и возражает. Согласен, говорит, Бочарников, положение у нас со спецпереселенцами складывается тяжеловато. Трудновато, говорит, нам с экспериментом: первыми, говорит, в мире мы троцку социализма пробиваем. Но про также, как у тебя на Средней Оби, я что-то донесений ни с какой стороны не читал. У тебя, Бочарников, у первого бабы ножами груди у себя отрезают и голодным детям скармливают. И до людоедства покуда у нас нигде не дошло, только ты в этом отношении в ударниках оказался. Поздравляю. К тебе надо за опытом работы комендантов с Колымы, Индигирки и с Печоры прислать. Я ему смело: присылайте, говорю, я их, неучей, всему научу. У меня, говорю, опыт большой. Я второй спецкруг возглавляю. У меня, говорю, в Кетс-Чулымском округе, где я с двадцать девятого по тридцать первый работал, от сорока тысяч спецов едва пяток осталось в живых. А он мне: ясно, вот ты какая птица! Тебя, говорит, надо без суда и следствия сегодня же в распыл. Я вижу, пахнет керосином, отвечаю смело. В распыл, говорю, меня можно пустить хоть сейчас, но дело все одно не сдвинется с той же точки: люди гибнуть не перестанут. Тут зло меня разобрало, в ярость я даже вошел, попер на него с криком. Надо еще, говорю, мат-перемат, разобраться, кто виноват в людской гибели. Отвечай, кричу, гад ты этакий, приехавший мою жизнь в распыл пустить, отвечай, почему на мои вопли по радио с предвзвешиванием, без которого люди существовать не могут, вы все наверху будто воды в рот набрали, от-

малчиваетесь. Ни сам полномочный представитель ваш товарищ Закревский, ни его комендантский помощник товарищ Долгих, ни кто-либо другой на мои запросы мне даже словечка не произнес. Революционная конспирация. Даже на шифровки и на те не отвечаете. Иностранщины боитесь! Но ведь все равно об этом всему миру со временем станет известно. И мои докладные донесения, которые я составляю каждые десять дней, весь мир со временем прочтает. Я с каждым погибшем от голода и тифа вам наверх сообщая, а вы все там делаете вид, что ничего страшного не происходит, продолжение обычных трудностей. А теперь, когда маленькая огласочка получилась, так вы сразу своей зад от дерьма очищаете и виновного козла разыскиваете. Ты пока, доверенный, на меня с распылом кыришься, я тебя самого в расход, как... И наган выхватил. А он: успокойся, говорит, товарищ Бочарников, еще не хватало нам с тобой тут перестрелку устроить. Иди, говорит. Нравиться ты мне, парень, люблю отчаянных. Тут товарищ Фридман мне в лицо мрачно так усмехнулся и отпустил меня...

- А дальше?

- А ничего. Позже я работал в той же системе, только чином и званием ниже. Используя приказы свыше; на невинных составлял меморандумы. Но к островам смерти это, кажется, уже никакого отношения не имеет.

Много еще чего поведал мне Иван Терентьевич про те далекие годы, но про остров смерти, что на Оби, уж не прибавил ни слова.

Ныне в эпоху гласности печатается (еще недавно печаталось) много чего мрачного, страшного, с упованием, что в случившемся виноват один кормчий: по его-де приказу свыше творилось. Таким высказываниям и обвинениям я возражать не стану. Кормчий, так кормчий. Я не хочу публично ставить вопрос проблемный: а кто все-таки главный виновник? Допускаю вместе с тем, что, может быть, найдется отважный умник, который своим перстом укажет: эврика, вот он, истинный виновник! И все согласятся: правильно! Но разве от такого открытия мне сделается легче на душе? Разве неисчислимая масса тех, что истлели в сырой земле, или тех, кого за полстолетия так и не тронуло тление, потому что вечная мерзлота или бездонная глубина болота, — разве все они, мертвые, дружно вздохнут от облегчения? Разве, еще один вопрос, исчезнет потенциальная возможность повторения пройденного?..

На эти риторические вопросы, я думаю, отвечать не нужно. Думаю, что всяк берущий в руки перо для того, чтобы воскресить былые, делает это не для углубления изощренной неправды или, хуже того, лживой правды, не для прославления собственной личности, а только лишь в наидальнее будущее: также не должно повториться с нами!

В войну и долго после войны много говорилось и писалось о Бухенвальде, Освенциме, Трешлинке, где в печах сжигали сотни тысяч людей. Но что такое огнеупорная печь? Огнеупорная печь — это мненвенная жаркая вопишка — и нег человека, унеслась душа в рай. А в Нарымской тайге, к северу от Тымска, на бесчисленных притоках Оби: Чульме, Тыме, Кети, Васыгане, Бакчаре, Шедолге, Норольке, Чижанке и многих других, равно как на Лене,

Енисее, Индигирке, Колыме, на Соловецком знаменитом острове, Печоре, Вычегде и проч., и проч. — повсюду до горизонта, куда хватает зоркое око, медленной, неукротимой, голодной, ледяной, комариной гибелью дружно, в массовом порядке, миллионами умирали люди. Разве можно сравнить мгновенную смерть в "гуманной" печи Освенцима с медленной сибирской гибелью от голода, холода и гноса?! Боже, какую надо воспитать в чугуной груди жестокость, чтобы с всеобедным размахом, под маршевую музыку и песни скосил переть по всему фронту супротив собственного же родного народа! История такого не знала даже во времена эны. Были неисчислимые нашествия, народы губили инземцев, но своих берегли даже гунны. А мы в двадцатом веке всистину преуспели. С упреком и радостью безответственности мы пускали людей в распыл, топили их пачками в болотах, складывали в мерзлые штабеля на берегах рек (весной унесет), марили голодом и скармливали комарам. Какое же ненавистного врага мы изволили предавать такой легкой казни? Уподобляясь человеку, который рубит сук, на котором восседает, в основном мы казнили кормильца и пильца своего — крестьянина, лучшую часть крестьянства, самую талантливую его часть. На какую беду в грядущем мы все это свершили?..

3

Мой отец, Захар Степанович, тридцатилетний сибирский крестьянин, житель деревни Кожевниковой — на Шегарке, Томской области^{**}, как враг народа был репрессирован и умерщвлен еще в 1934-ом, когда, надо думать, готовилось злодейское убийство Кирова.

^{**} В тридцатые годы — Западно-Сибирский край.

После того у нас отобрали дом. На колхозную базу согнали нашу скотину — корову и овец, больше у нас, кроме собачки и кошки, ничего не было. У нас отобрали и самое лучшее платье, и войлоки для спанья, и подушки, и обувь, и шубенки — все. Нас, троих: меня, около семи лет, старшего брата Дмитрия, ему исполнилось восемь, маму, ей было двадцать девять лет, — нас прогнали из деревни, и мы, не зная, куда деваться, прозябали в окрестях ее или скитались по Кожевниковскому району, иногда забредая и в главную столицу того края город Томский. Питались мы подаянием и принижением "добрых делателей" (по Островскому). Нас же они, добрые делатели, и одевали в свои обноски. Я, к примеру, носил обрезанные шаровары, каменная гача которых была шириной в два обхвата (грузчик с парохода подарил), а бретец носил вместе штанов ушапку, просунув в рукава ноги, а пальцы подвязав веревкой у живота. Мать празднично щеголяла в обильных юбках, помимо подаренных ей цыганами из проезжего табора.

Нет, я не решу на свою судьбу, она складывалась как нельзя лучше. У нас отобрали все имущество, зато не отобрали в Нарымскую ссылку — на погибель. У нас реквизировали все пригодные животные, зато нам, нищим побродяжкам, щедро подавали оставшиеся в деревнях от исхода в город на производство люди. Кто мы такие, откуда бредем, — не спрашивали: знали. За все годы нищенских скитаний не было случая, чтобы мы ночевали под открытым небом, разве только в самом теплом в наших краях месяце — июле. Не пускали, случалось, нас, боясь властей, на переночев колхозники, — а зная на что? А лодка на берегу реки на что? А баня?! Пахнущая осинным дымом, тепло протопленная, для нас,

бездомных, она казалась лучшим из жилищ. Ночевать под ее земляной крышей было в великое удовольствие. Куда до этой бани современной сауны, где ласково отглаживают березовыми или дубовыми вениками жирные бока современным начальным заправилкам плечистые, звонкогласные холуи. В нашей изчужденной баньке полка и каменка, чистые лавки, вместительные шайки (с шайками бандитской мафии прошу не путать!), с железными ковшиками, с чертенятами, сидящими на старых вениках под полком. Ночевание в такой баньке бездомному в великое удовольствие. От каменки тепло, а из-под полка песни чертей по всей ночи слышатся. Зимой было малость похуже. Холодно! Климат полстолетия тому был малость посурзвей. Снега навевало похуже. Дороги были чуть-чуть уброднее. В нестерпимую стужу мы обычно спасались у кого-нибудь из дальних родственников. Чтобы нас, изгоев, не зажали перед властью соседи, мы, получив разрешение на ночлег, забиралась в чужой избе на клепальные полаты или на глинобитную печь и зарывались в гуню, а мать спасалась в глубоких подпольях, где хранился картошка, где шныряют толстые хомьяки.

В тридцать пятом или тридцать шестом нам была оказана со стороны предрержащей маленькая поблажка. Какая-то газета напечатала заметку о том, что "дети за отцов — не ответчики", и тогда нас с братом пустили в школу. А наша мама — мать своих оправданных от неизвестно какой великой вины детей, вылезла из подполья и открыто стала за нами присматривать. Бригадир пообещал принять ее в колхоз и устроить на телятник с услужением, если она разделит с ним, как кроватное ложе, навильник соломы или сена. Но мать не согласилась. Наша судьба таким образом осталась сторонней от колхозного счастья дорослой. Что до школы,

то в первом и втором классах нас с братцем держали на камчатке среди шалунов и булганов. Букваря нам, кулачатам, не полагалось. Тетрадей — тоже. Но мы, несмотря на эти временные трудности, учились, обогащаясь знаниями, воспитывались в коммунистическом духе.

Старший братишка учился лучше меня. Успешно пройдя науку в пять классов, он поступил в школу ФЗО, успешно ее завершил и за два месяца до своего семнадцатилетия был призван в 1942-ом году в ряды РККА. На фронте воевал отважно. Награжден *двумя* "Славами" и другими орденами. Вспоминал ли он, мой братишка, ныне покойный, крадясь с товарищами в разведку, в годах наших с ним скитаний по Кожвиниковскому району, не знаю. Думаю, что не вспоминал: на фронте, как рассказывают фронтовики, негативные мысли не полагались, в противном случае извешенько имеется СМЕРЬ. Брат был физически крепок, видать в деда Петрована пошел, ему было поручено таскать на себе добытых на переднем крае языкков.

Эти боевые задания, судя по наградам, он исполнял успешно.

Спустя три года после войны мы встретились с ним. За стол, как тогда положено было, сели. Еще до выпивки брат вдруг прослезился.

— Ты чего? — делая голос грубо-суровым, обратился я к нему с вопросом.

— Да так, — сказал брат. — Одного языка вспомнил. Волку его, а он бежать вздумал. А я его из автомата. Язык. Мать, поеди, идет, на восток глядя... А мы вместо убитого взяли за другим языком — троих потеряли...

Но я забежал вперед, вернусь вспять. В 1944-ом, пройдя своеобразный, на советский манер, университет жизни, я был призван в армию. На фронт, как брат, не успел: кончилась война. Но на действительной мне пришлось служить восемь лет. Служил в ВВС. Я обслуживал самолеты командного состава: командира Второго САКа генерала Нанешвили, друга Сталина, генерала Калининкина, полковника Ноза и др. Я, сын репрессированного и умерщвленного крестьянина, был на хорошем счету. За восемь лет службы у меня не было ни одной аварии. Я, механик, был уверен в себе, знал технику, работал на "матчасти" трудолюбиво.

Кавось однако во мне жил неистребимый к воинской власти страх. Укладываясь по отбоя на стлах и по подъему вставая, я думал об одном и том же: а вдруг контрразведка узнает, что я сын врага народа — и затесался в управление воинского соединения. Господи, помоги мне! — я шептал. — Избавь от штрафов! И Бог избавил меня от репрессий. Больше, так сложились обстоятельства, что фотокарточка моя висела не один год на доске почета. Меня приняли в комсомол. Меня рекомендовали в партию. А впоследствии меня наградили грамотой райкома ВЛКСМ. От счастья я был на седьмом небе.

По демобилизации я прибыл в Томск и стал работать в газете. Меня использовали как разъездного корреспондента. Я собирал материал, и, освоив все газетные манеры, плодотворно строчил информации, зарисовки, очерки, репортажи, корреспонденции и т.д. Мне довелось побывать во всех районах Томской области равной по территории итальянскому саусу с Локсембургем и иной мелочью впридачу. Особенно я любил бывать в северных районах области:

Колпашевском, Каргасокском, Парабельском, Александровском, Васганском, Верхне-Кетском, Тегульдетском, Асиновском — районах, заселенных в основном контингентом спецпереселенцев, людей, лишенных прав, состоящих под властью комендатуры. Солыные были уроженцами Украины, Молдавии, Алтая, Латвии, Литвы, Эстонии, Кабардино-Балкарии, Смоленщины, Саратовской области, Пензы, Тамбовской, Воронежской и других областей. Удивительно, мне даже довелось в томской тайге встретиться с ассирийцами и вавилонянами, будто из прошлого их прислал к нам великий царь Навуходоносор, которого проклинает за его жестокости история.

В обязанности лишенцев и прочих, кто работал в лесу, входило рубить лес, потребный для строек коммунизма, вывозить его на лошадях к берегам рек и затем по весне сплавлять его на рейды, где древесина погрузалась на баржи для дальнейшего следования.

Разъезжая по краю, мне приходилось встречаться не только с кадровыми, так сказать, рабочими, занятыми рубкой и сплавом с тридцатого года, когда начались массовые кулацкие ссылки в многолесные районы Западной Сибири, но и с сезонной рабочей, мобилизованной для зимних работ на лесозаготовках из близлежащих деревень. Эта рабочая трудилась по всему лету в колхозах, ухаживала за свиньями, овцами, коровами, а зимой по требованию свыше отправлялась на ударные лесозаготовки. Не скажу, что это были были люди пожилого возраста, нет! Деды, отцы, матери этих в основном молодых людей, испив свою чашу, вечным сном спали в сыррой земле или покосились в виде обглоданных скелетов на дне великой Оби, а они, закрепощенные потомки лишенцев, трудились на благо родины. И немало трудились. Позабыв про бессмысленную жестокость, с ксней общались с отцами их, матерями их и дедами

их, они, не щадя сил, выработывали норму на двести-триста процентов. А от работ отдыхали в муках. Барак для спанья — тесный, едва вмещает участок из двухсот-трехсот человек. По обеим сторонам барака — дощатые нары. У входа топится печь, дежурит дневальный старикан. Работники обзегэ пола погрозливо спят вместе. Семейные почивают за занавесками. От разврата и распущенности спасение — физическое изнеможение, усталость от работы днем и душевная чистота.

Много протекло с тех пор трудных для всех нас лет. Вспоминая, я восхищаюсь теми прекрасными людьми. Я дивлюсь их мужеству, терпению, кротости их, чувству собственного достоинства. Чтобы не унижать себя в споре с начальником, они на любую работу, куда бы их ни послали, шли весело, с охотой, исполняли ее точно и к сроку. Тогда в молодости мне хотелось об этих великих страстотерпцах сложить поэму, но было некогда: мешала корреспондентская суeta и работа. Приходилось выдавать каждый день до четырехсот строк. Что до лишенцев, состоящих под командатурой, то с них писать запрещалось. Об участках, лесопунктах, коллективах, состоящих из лишенных всех прав, пиши, сколько влезет, но фамилии бывших кулаков не приводи. В корреспонденции достаточно фамилии директора, парторга, комсомольского вожака и председателя рабочкома. На готовую словесную продукцию газетного сотрудника имелись штаты заведующих отделами, редакторов, ответсекретарей и проч., включая сюда и вездесущего цензора, сидевшего в прокуренной комнатенке с синим штампом в руках. Но мысль в голове человека бесцензурна и до блжнств покуда ни цензор, ни редактор не добрались. Тут корреспондент полный хозяин. Много у меня скопилось записных книжек, пожелтевших от времени блжнств. Время от времени я их листаю, вспо-

минаю лица, слышатся отрывки разговоров...

6

1953 год, Васьганье.

На развалинах вез меня колхозный ветеринар. Ему лет тридцать пять. Разговорились. Он сказал: вы собираете для газеты материалы о молодежи. У нас в колхозе им. Ленина много молодых, почему бы вам не написать о ком-нибудь из нас? Я не стал лукавить, как мне советовали в подобных случаях старшие товарищи по газете, и ответил прямо. Я сказал, что их колхоз состоит из спецпоселенцев, а о таких печатать в газете запрещено.

- На каком основании?

- Не знаю.

- Я воевал, трижды награжден, трижды ранен, один раз - тяжело. И обо мне запрещено писать. Как вас понять?

Я молчал.

В селе, где я должен был по предварительному уговору ночевать в доме у ветеринара, мы остановились у конторы. Ветеринар сказал:

- Прошу вас сойти с саней! Я не могу вас взять с собой на ночлег. Переночуете в конторе.

Не прибавив более ни слова, ветеринар уехал, а я пошел в контору колхоза, окна которой светились тусклым светом керосиновой лампы...

1954 год, июнь, Обь близ Колпашева.

Вез меня на катере молодой речник Ваганов. Говорил о своем счастье. Он происходит из сильных кулаков. Отец умер в тридцатом. Мать - в тридцать втором. Трое братьев вслед за ней скончались от голода. А он, Ваганов Петр, уцелел. Как судьба ни му-

тыскала его, а он уцелел. Выучился на капитана катера, водит по рике плоты, хорошо получает зарплату, — это ли не счастье!

Рассказ бы написать о таком счастьеце...

Томск, 1972 год.

Встреча с Георгием Алексеевичем Ивановым, директором Карганского леспромхоза.

Г.А.Иванову, молодому, начинающему начальнику, в 1942 г. было доверено ответственное дело. Он должен был заготовить в Васиганской тайге столько-то десятков или сотен тысяч штук рубяще-пилеболванки. Набрал бригаду баб, призванных на трудовой фронт, Иванов отправился в тайгу для выполнения задания. Нашли бельник (ровный березовый лес). Срубили избушку для жилья. Приступить бы к работе, но бабы настроен отказались. Дело в том, что поблизости кто-то из них обнаружил громадную пирамиду, сложенную из человеческих черепов. Было бы еще терпимо, если бы черепа не издавали глас. А то как сквозной с севера ветер, черепные коробки начинают свистать и вить на разные гласа, то, видать, ветер прорывается через носы и прочие полости — и свистит, и вьет. Пришлось Иванову искать новый бельник, рубить новую избушку.

Остак из промышленников на вопрос Г.А.Иванова дал такое объяснение: сюда в тридцатом много людей привезли в середине лета и бросили на произвол судьбы. Они все умерли от гласа и гнуса. А кто сложил пирамиду из черепов, он не знает.

1972 год, Томск.

Из воспоминаний главного инженера Туганской птицефабрики Се-

ликов Дмитриевича Таврского.

В начале тридцатых Управление северных железных дорог в Восточной Сибири силами спецпереселенцев строило Ангаро-Ленский тракт. Об этом тракте, проложенном через труднодоступные горные и таежные места, можно сказать одно: его платили укатано на человеческих костях. Много людей умерло от непосильных работ, голода, болезней. Что можно сказать о тех, кто изгиб на дороге? Народ это был культурный, талантливый, многознающий. В этом можно убедиться и на по одной судьбе. От гибели чудом спасся некий Митя Сулименко: в пустую колодину залег, когда его вместе с другими этапировали на Ангаро-Ленский тракт. Его нашли (собаки учуяли) жители нашей деревни Тавры и привезли на волокуше. Ему было лет девятнадцать. С Мити Сулименко ^{по сути дела,} у нас в Таврах началось культурное земледелие. Он, к примеру, научил нас выращивать картошку. Думам научил ^к спасать урожай от ранних заморозков. Лечил от собачьих укусов. Спасал от укусов змей. Умерла бабушка-повитуха, и ее заменил, стал принимать роды. Консультант. Знал календарь, — к нему обращались с вопросами, когда будет такой-то годовской праздник. Учил детей грамоте.

Наша деревня держала Митей Сулименко. В каждом доме он был заместо родного.

А ведь ему было только девятнадцать. Какие же многознающие, талантливые крестьяне прахом легли в ангаро-ленских каменоломнях!

1972 год, Томск, Черемшники. Со слов Ивана Кунова.

Я из спецпереселенцев. Судьба моя сложилась ^{самым} несчастливейшим образом. С первого года ссылки я в кучера при директорской особе определился. И в этой должности всю жизнь состоял вплоть до пен-

сии. Директора высокие, как словно перчатки менялись, а я на кучерском посту оставался бессменно. Многих, чуть ли не всех, директоров убрали, как врагов народных, а меня, кулака, не тронули, потому что я был человек безвредный и даже необходимый как до кулачества, так и после. Тпру да нэ-э! — вот и вся от меня польза. А все остальное за меня лошадь делает. А дома меня работает, а тебе остается только на нее прикрикнуть, если она малость раздухарится, когда ты в нетрезвом, значит, виде с облущка морозного слезешь.

Вольных людей у нас на Черемшниках не было, все подконтрольные, да подчиненные комендатуре. На работу водили строем. С работы — тоже. Кормили... Да что вспоминать об этом!.. Зато когда баржа лесом загружается, ни один начальник не смеет к ней приблизиться, потому что техника безопасности. Того и гляди, бревешко сорвется и упадет, и разденит плашмя. Механизмов у нас, кроме плечевой да раз-два-взяли! — никаких не было. Помню, первый грузовик нам Москва выделила. По просьбе трудящихся его сначала использовали в виде мухомора, так и прозвище дали ему в дальнейшем Мухомор. А почему? По то, что этим грузовичком барачных насекомых миллионами погубили. Подгонят этот грузовик к окну опустелого от людей барака, поставят к стене задом, от выхлопной трубы в окно протянут брезентовую кашку. После того пламенный мотор включают и пошел накачивать в барак тот вредный воздух. Долго накачивают. Потом открывают, проветрят помещение — войдут. Тараканы, клопы, блохи, а также и животные организмы — мыши и хомяки — все они на поверхность пола из щелей и нор выплзут, мертвые лежат. А живые люди по ним ходят, под ногами их мертвые косточки погибших хрустят.

А я, блатной кучер, шпиров баракзв не постиг. Мил в своей землянке, которую мне товарищ Саричев, директор, накануне того, как его в ОПТУ насовсем бесолодно забрали, разрешил построить на Коммунистическом проспекте. С тех пор я на этом месте и обитаю. В начале пятидесятых моя землянка, по определению моих ученых синзвей, морально устарела. И я заместо нее избушку поставил. С тех пор живу, не туку. Мог бы и получше дом соорудить, да мелания нету: как бы синзвоя на старости лет в кулаки не прзвели, да не сослали...

1973 год, Колпашево. Созбидя Вадим К-ев, бывший член бюро Колпашевского горкома КПСС.

В Нарымском округе в тридцатые годы практиковались плавучие тюрьмы. Одна такая баржа-тюрьма была пришвартована к берегу Кетской протоки, ниже по течению реки горзодской черны. В тюрьму усаживали многих, но обратно на волю не выходил никто. Ладей топили, сталкивая с грузом на шею в воду.

В 1931 году из села Богорзодского, что на Оби, буксирные пароходы тащили две баржи, тремя которых были набиты досеткизу бичарскими ^{опен} переселенцами. Мужички не вынесли голода, замузели, их переловили, угнали конвсом до Богорзодска, усадили в баржи и повезли. Куда их теперь еще дальше сослать? - вот с чем думало тогдашнее начальство. Ведь дальше Сибири сослать некуда. Ум человеческий, особенно если тебе все позволено, находчив и изворотлив. В голову кому-то пришло оригинальнее решение, которое тотчас было осуществлено. На пути по Оби, между Могучино и Колпашевым, днища барж были проломлены, и суда стали тонуть. Конвоиры спаслись на заранее приготовленных лодках, а винзвые шумарки пошли на дно метушки Оби.

1972 год, Усть-Чулымский рейд, пос. Сулзат, надпись на крестах опенпереселенческого кладбища.

"Иван Александрович Гэгчаров. Род. 1901, ум. 1931. Он был отважный хватчик и умер в расцвете лет".

"Лев Николаевич Толстой. Умер 19-ти лет. Слава Льву Николаичу, слава! Он был маркировщик отличной на сплаве".

"Куй Горизонтович Кув, кузнец. Ум. 53-х лет".

"Неупокэй Алексеевич Бунин-Квашин, ум. 1931 г. Был он на сплатке один, работник незаменим".

"Махрита Владимирович Струилин-Кованний. Ум. 40 лет. Изобрел стрелу для погрузки леса. У начальства незаменим, талант дружил с ним".

На одном кресте значится: "Ваня Пушкин и Валя Махонька, умерли вместе они потихоньку. 193..." и далее неразборчиво.

1975 год, Колпашево. Вспоминает промысловик Александр Григорьевич Ажермачев.

На фронте меня, простого солдата, в плен сдали. У немцев на капсте работал. Поначалу немцы кормили худо, скудно. А потом — получше.

Вернулся — проверяли долго: почти в плен угнал? Где? Кто сдал? — обычно спрашивали. Видят, что я солдат простой, что с меня много не возьмешь, отпустили. В Томском городе прожить запретили. Пришлось уехать в тайгу. Стал промышлять белку, рыболовничать. Тут, близ Колпашева, много бывших кулаков работ на промысле. Народ — обычный: к ним с добром, они тебе тем же платят. Жизнь у нас простая: тайга честных любит. Злой, недобрый заведется кто, — живенько его за козоду завалит...

1974 год, Томск. Со слов геодезиста, служащего Томского горисполкома Т-ева.

Ему, сотруднику отдела главного архитектора города, было поручено распланировать сквер, где должна быть установлена городская доска почета. Т-ев для исполнения задания избрал пустую напротив здания горисполкома площадку. Рядом дом архимандрита, в нем в тридцатые годы располагалось управление НКВД. Рабочие по заданию геодезиста принялись лопатами рыть землю — наткнулись на груды человеческих костей. В другом месте вырыли неглубокую ямку — и там то же самое: черепные коробки, ребра, голени и проч. Геодезист с своим геологическим находкам делал по команде, начальство связалось, с кем следует, работы возле дома архимандрита были запрещены.¹¹

Городская доска почета установлена на другом месте. А возле здания бывшего НКВД разбит сквер, посажены березки, проложен асфальт — красиво так!¹²⁾

7

В нашей прессе время от времени слышатся голоса (во всяком случае, слышались) о сооружении всеобщего памятника жертвам репрессий в столице нашей родины Москве. Я, неизвестный скромный писатель, смею высказать вслух свое робкое суждение. Этот памятник в Москве, я думаю, ставить не надобно, ибо все того желаннее понять должны, в Москву множество иностранцев

¹²⁾ По инициативе историко-просветительского общества "Мемориал" в 1989 году органами советской власти принято решение о создании на этом месте Сквера памяти жертвам сталинских репрессий.

(прил. редактору)

приезжает, ходят, смотрят, между собой беседуют, а потом, уехав домой, в своих газетах про нас пишут. К чему такое? Не к чему, я думаю, нам лишнее напоминание востоку и западу о нашем несмыслимом на сто лет позоре. Думаю, не лучше ли нам соорудить этот памятник, да не один, а много, в областях, там, где в массовом порядке топили ни в чем ^внеповинных людей в реках, втоптывали, как червей, лядишек в болотную жижу. Ей-ей, это будет выгодно с точки зрения теории, практики и политики. Мысленным ~~визитом~~ ^{визитом} ~~эксп~~ ^{эксп} я вижу всю мою родную Западную Сибирь укрепленную высочайшими обелисками из мрамора или нержавеющей стали. А на островах смерти в Александровском районе, между Могочино и Колпашевом построены прекрасные мавзолеи — памятник всем, кого река поглотила, кого комары заели, кто улегся в мерзлые штабеля на песчаном берегу реки. Лечу в высьте на современном авиалайнере, смотрю вниз через иллюминатор: вот Чиванка-речка, Норюлька, извилистый Васюган. Вот милая моя Чая с черной, как крепко заваренный чай, водой. Кеть, Тым, Шедолга, Бакчар, Шегарка, Шуделька — родная сторона моя. Любовь моя! Красотища! Память! Всюду памятники-obelisks! Всюду память и памятники о нашем благородном, всечеловеческом, пусть чуть-чуть фанатическом устремлении воздвигнуть путем классовых ущемлений и массовых репрессий всеобщее на всей нашей планете, а особенно на родине у себя, вечное лучезарное счастье и довольство собой и друг другом. В прошлом веке пророческий Достоевский не шепотом, а громко упреждал нас: даже ценой жизни одного ребеночка не укушать всеобщее счастье. Да и кому это нужно такое, раз за него заплачена человеческая жизнь! А тут миллионы, десятки миллионов!..

Жертвы пали, ~~еще~~ ^{еще} им вечный покой и сон. А по законам неумолимой (физики) сила бумеранга бьет назад обратным ходом. Чем ни боль-

ше напрасных потерь и жертв, тем сильнее и крепче и сокрушительней удар обратный.

Но по ком удар, по ком удар обратный, ребята?

По нам, братья и сестры, по нашим же хребтам и шеем!..

Отсюда и вытекает логический вывод-вопрос: должны ли мы снова удариться в также непростительные легкомыслие, чтобы допустить то, что происходило с нами в течение ряда десятилетий?..